

«Наш десятый класс закружила вьюга фронтовая...»

Это фрагменты рукописи участника Великой Отечественной войны Алексея Ивановича Требухина.

Свои воспоминания он писал несколько лет. В предисловии стоят такие слова:

«Внукам моим с пожеланиями мирной жизни на родной земле».

В судьбе этого человека отразилась жизнь юношей и девушек, ушедших на фронт, прошедших через страшные годы войны, кровь, смерть, предательство, плен, но не утративших чувство любви к Родине, достоинство, честь.

Сегодня мы познакомим читателей с отрывками из этой рукописи. К сожалению, формат газеты не позволяет опубликовать воспоминания полностью, а ведь судьба такого человека заслуживает издания книги в нескольких томах...

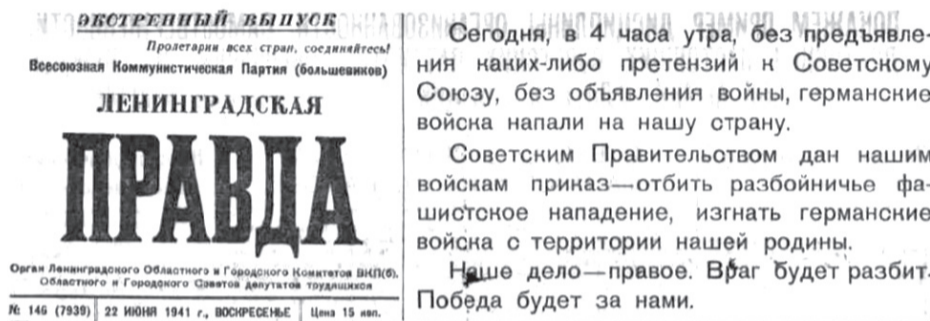
- Дорогие наши дети! Аттестат о среднем образовании открывает вам дорогу в неведомое будущее. Завтра вас ждут заводы и фабрики, колхозы и совхозы, училища и институты — нелегкий рабочий и студенческий труд. У нашего Отечества великое прошлое, героическое настоящее, светлое будущее. И здесь сегодня уместно сказать о чувстве гордости советского человека перед Родиной. Известно, что о своих способностях человек может узнать, только попробовав себя в конкретных делах. И ничто так не возвышает человека, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, патриотизм. Сегодня в капиталистическом мире идет война, возможно, она коснется и нас. И я жду от вас мужественности, смелости, самоотверженности, храбрости, высокого патриотизма и истинного гуманизма. Счастливого вам пути! — такими словами закончила свое выступление на выпускном вечере 21 июня 1941 года учительница немецкого языка, наш классный руководитель Аделина Августовна Шнисс...

...Гремит музыка. Торжественная атмосфера, оживленные выпускники. На сцене появляются нарядные красивые девушки-выпускницы. Они полукругом охватывают сцену, а в центре выстраиваются наши физкультурники, борцы и атлеты демонстрируют свою силу и ловкость. Как всегда, великопены Леонид Голубев, Тимофей Морозов, Женя Григорьев, Виктор Паршин и Сергей Зимин.

До глубины души трогает учителей музыкальное слово выпускников. С юмором, теплом и грустью они обращаются к каждому учителю. И опять на высоте был наш самородок — поэт и музыкант Семен Шиффин. Наступает торжественный ритуал передачи школьного звонка новому поколению. Звучит последний прощальный звонок. Его дают ученица первого класса Оля Латышева и выпускник Саша Терехов.

- До свидания, друзья! - раздаётся со всех сторон. Под звуки школьного вальса на паркете кружатся пары, мелькают нарядные платья и костюмы, стучат каблучки туфелек. Неумолимо отдаляется от вчерашних школьников милый берег детства... Пройдя на прощание мимо школы, усталые, но счастливые медленно расходимся по домам.

Когда я держал в руке школьный аттестат, я уже представлял себя студентом-дипломником пятого курса Ростовского государственного института железнодорожного транспорта.

**Выступление по радио
Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров
Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел
тов. В. М. МОЛОТОВА 22 июня 1941 года**
ГРАЖДАНЕ И ГРАЖДАНКИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА!

Моя работа обязательно будет называться «Строительство железнодорожного моста через реку Дон в районе станции Аксайской». Так я мечтал, в это верил, но...

Разбудили меня около одиннадцати часов мама и друг-сосед Сергей Додонов громкими разговорами и плачем. Я вскочил и, не понимая, в чем дело, протянул руку Сергею. Он поздравил меня с окончанием школы, а затем почему-то шепотом сказал:

- Ну вот и кончилась наша юность. Одевайся и включай приемник...

Узнав о нападении Германии на нашу страну и первых бомбежках

...Гремит музыка. Торжественная атмосфера, оживленные выпускники. На сцене появляются нарядные красивые девушки-выпускницы.

наших городов, переполненные тревогой, мы молчали. Вторая мировая война неожиданно обрушилась на нас...

...Узнав о нападении Германии на нашу страну и первых бомбежках наших городов, переполненные тревогой, мы молчали. Вторая мировая война неожиданно обрушилась и на нас...

...На следующий день, в понедельник 23 июня, я обошел своих одноклассников, и мы направились в горвоенкомат. С трудом пробилась на прием к комиссару. Нас встретил пожилой командир, это был, несомненно, ветеран гражданской войны, дослужившийся до высокого звания: на воротнике его опрятного кителя адели ромбики.

Пока ребята докладывали причину нашего вторжения, я с интересом оглядывал кабинет. Стол военкомата украшал красивый письменный при-

бор: между двух медных чернильниц, выточенных в виде артиллерийских снарядов, скакал на коне казак с обнаженной шашкой. На стенах висели карты, портреты Сталина, Ворошилова, Буденного. Позвякивая шпорами, комиссар вышел из-за стола и остановился. Он похвалил нас за то, что пришли, пояснил обстановку, связанную с неожиданным началом войны, и посоветовал временно подождать.

Ждать пришлось недолго, в июле всех выпускников города вызвали в военкомат повестками. После медкомиссии часть ребят зачислили в авиацию, другие были распределены по разным родам войск и отправлены в военные училища и школы.

Подошла пора покидать привычный до незаметности домашний уют. В день отправки мы еще раз зашли каждый в свой класс, где прошло, нет, пролетело, столько счастливых дней и лет. Сели за парты. Помолчали. А уходя, Николай Букин красиво вывел на доске: «Прощай, школа! Мы не забудем тебя...».

...И вот я, Николай Букин, Юрий Авилов, Олег Табунщиков, Борис Оводов, Михаил Куприянов, Сергей Зимин, Анатолий Шумаков, Семен Шиффин, Кирилл Окоемов прибыли в 25-ю авиашколу, которая находилась в городе Невинномысске, на Кубани.

Обстановка на фронте в это время была сложной. Враг занял почти всю Украину и приближался к Дону. Неожиданное массированное нападение немцев и их быстрое продвижение на восток привело к тому, что наши войска были разбиты, окружены и захвачены в плен, а на пограничных и тыловых аэродромах были уничтожены 3 500 боевых самолетов.

Сапожник остался без сапог, и продолжить учебу в авиашколе нам не удалось. Ее расформировали, а курсантов направили на ускоренную подготовку для службы в общевойсковых подразделениях. Мы стали курсантами Житомирского пехотного училища, которое после эвакуации с Украины находилось в городе Ставрополе на Северном Кавказе.

Здесь все было рассчитано по минутам, занятия шли по ускоренной программе. 16 июня 1942 года состоялся выпуск. За это время мы с ребятами как-то подтянулись, возмужали. Думали, вернемся домой, не нарадуемся отцы и матери. Мы ведь тогда и не знали, что эта встреча состоится лишь через четыре года, а многим матерям так и не суждено будет увидеть своих сыновей.

Продолжение — на стр. 4-5.

После окончания училища молодые лейтенанты получили назначения в разные части, а я вместе с большинством своих товарищей попал в Приморскую армию, которая вела бои в Крыму, в осажденном Севастополе.

Но наша фронтовая жизнь началась немного раньше, и мы ехали в места назначения уже понюхавшими пороху. А было это так.

Дней через десять после принятия присяги, когда мы поклялись защищать Отчизну, не щадя своей крови, стало известно, что некоторых добровольцев из старшекурсников отправляют под флагом училища на защиту города Ростова-на-Дону. Недолго думая, мы подали рапорты на имя начальника училища с просьбой взять и нас. Комиссия, выслушав каждого и узнав, что мы из-под Ростова, согласилась на нашу просьбу.

А положение на Южном фронте действительно было тяжелым. В планах гитлеровского командования ростовское направление было одним из главных участков наступления. Поздно вечером 18 ноября эшелон, составленный из товарных вагонов, повез нас в Ростов. А дорогой мы узнали, что город уже захвачен немцами. Германские трубадуры победно вещали: «Путь на Кавказ открыт!».

Ростов горел. Дымом затянуло пустые, словно вымершие улицы. Здания зияли черными глазницами окон и дверей... В городе свирепствовала эсесовская дивизия «Адольф Гитлер». В отместку за убитых солдат и офицеров оккупанты расстреливали сотни ни в чем не повинных людей...

...Мы прибыли в Батайск, расположенный в 25 километрах южнее Ростова. Командование поставило задачу: держаться на левом берегу Дона и не давать фашистам восстанавливать разрушенную переправу. Возглавить нашу стрелковую группу поручили лейтенанту Нечаеву.

Никогда не забуду первое наступление. Рано утром 26 ноября наша артиллерия нанесла мощные удары по засевшим немцам в станице Аксайской. И вот мы пошли на штурм. Лейтенант Нечаев вскинул вверх руку с автоматом и громко крикнул:

- Взво-о-од, впе-ре-ед! За Ростов!

Бойцы бросились за командиром, нас поддержали огнем артиллеристы. Они ударили прямой наводкой по вражеским огневым точкам, облегчая наше наступление.

Под прикрытием этого огня мы быстро побежали по льду Дона, а затем постарались укрепиться на занятых позициях. Мы с Олегом Табунщиковым залегли на насыпи, другие бойцы — ниже.

Вдруг в трех десятках шагов я увидел немцев во главе с унтер-офицером. Они кучкой приблизились к мосту, затем открыли железный ящик и стали вытаскивать канистры с бензином. В этот миг я встретился взглядом с Олегом, который лежал ближе к фашистам. Я не сразу понял, что он задумал, как вдруг увидел в его руках гранаты. Табунщиков что-то крикнул мне, но я не расслышал, так как в этот момент немцы, увидев

русского солдата, бросились на него.

Раздался взрыв, фашистов разбросало в стороны. Дым окутал дергающихся и падающих людей. На меня посыпались камни и снег. Вместе с

Обстановка на фронте в это время была сложной. Враг занял почти всю Украину и приближался к Дону. Неожиданное массированное нападение немцев и их быстрое продвижение на восток привело к тому, что наши войска были разбиты.

другими бойцами я подбежал к Олегу, который уже не дышал...

Так подвиг Олега Табунщикова не дал немцам поджечь и взорвать мост.

...Сознание пришло вместе с ощущением холода. Я открыл глаза и увидел над собой ветку кустарника

Какая-то тень заслоняет свет. Гитлеровец? Да, немец. Он стоит, высокий, чистенький, в серо-зеленом мундире. Сапоги с начищенными черно-яркими голенищами. Он что-то говорит. Ну и что из этого? Может, мне это только кажется. Я с минуту смотрю на немца мутным равнодушным взглядом, потом опускаю отяжелевшие веки. Снова провал и тьма. И снова я не знаю, утро или вечер. Ощущаю только боль и холод...

Слышу толчок по телу, а где, не пойму.

Открываю глаза — кругом немцы. Они стоят без пилоток, кто — в кителе, а кто — и в натальной рубашке. Немцы что-то говорят, жестикулируя руками. Несколько раз задавали мне вопросы, указывая куда-то в сторону, а потом испытующе смотрели на

и клочок синего неба. Шевельнулся и снова сомкнул веки от адской, пронзившей все тело, боли. Минуту лежал без движения с закрытыми глазами, успокаиваясь и сдерживая боль. Потом снова открыл глаза и, не двигаясь, начал осматриваться, силясь понять, где я и что со мной.

Я понял, что лежу на земле неподалеку от куста. Было утро. Я, очевидно, ранен или контужен. В теле — неодолимая слабость и ко всему какое-то странное безразличие. Где-то слышится людской говор, доносятся отдельные приглушенные слова. Свои? Немцы? Хочется спать. Кажется, немного кружится голова.

...Сознание пришло вместе с ощущением холода. Я открыл глаза и увидел над собой ветку кустарника и клочок синего неба. Шевельнулся и снова сомкнул веки от адской, пронзившей все тело, боли.

меня. Я ничего не мог понять и отрицательно мотал головой. Тогда один из них жестом предложил мне встать, приглашая куда-то идти.

- Не могу, - сказал я по-русски.

Тогда немцы подняли меня и понесли куда-то вниз. Принесли и положили около каких-то брезентовых разноцветных палаток. Я осмотрелся. День занимался теплый, солнце

светило уже ярко, а мне холодно. По земле около редких кустарников трепетали жаворонки со своей звонкой песней. Вдали слышались глухие разрывы и гул самолетов. Не хотелось думать, что я оказался в руках фашистов. На сердце было тяжело. Тело ломило, голова шумела. Полежав немного, я вспомнил про свои документы. Кое-как приподнявшись, я схватился рукой за левый нагрудный карман. Он был пуст. Не было у меня ни часов, ни фотокарточек, ни денег. Походное снаряжение — портупея с ремнем, сумка, кобура — было снято и отобрано. Не оказалось и записки генерала Петрова. Волосы на голове и перед гимнастерки были мокрые — меня, очевидно, обливали водой.

Слышу резкие звуки и гортанные крики немцев. Впереди идет офицер. Он размахивает какой-то бумагой и громко кричит:

- Генераль Петрофф!
- Генераль Ноффикоф!
- Адьютант?

Ростов горел. Дымом затянуло пустые, словно вымершие улицы. Здания зияли черными глазницами окон и дверей...

Пришли еще несколько офицеров и солдат. Они стали что-то оживленно обсуждать между собой, а один из них вернулся к палаткам и вскоре пришел в сопровождении низенького, какого-то тонконового заспанного человечка с редкой бородкой, одетого в простой гражданский костюм и с белой повязкой на рукаве — татарин, переводчик.

После беглого допроса, который сводился в основном к вопросам, где находятся генералы Петров и Новиков, один офицер резко что-то крикнул. Солдат побежал к палаткам и вышел оттуда с фасолеобразным немецким котелком, в котором была вода. За два приема я опорожнил котелок, и мне сразу стало легче. Я приподнялся и попытался встать. Правую ногу не слышу. Она не подчинилась мне, и я упал. Болит затылок — видимо, прежнее ранение под Ростовом дает о себе знать. Крови на теле и голове не было, только ожоги рук и лица. Наверное, когда произошел взрыв в самолете, меня обожгло, контузило, и при падении я сильно ушибся о камни.

Принесли носилки, подошла подвода. Прямо на носилках меня положили на телегу и под охраной повезли. Полежав немного, я приподнялся, сел и стал тренировать и массировать ногу. Опять хотелось пить. О голоде, который основательно давал о себе знать, старался не думать.

В полдень подвода остановилась у колючей проволоки, за которой было много людей. Слышалась русская речь. За проволокой все — в нашей форме, но без знаков различия и поясов. Лица у всех заросли щетиной, многие были без пилоток, гимнастерки грязные, у многих — в крови. Некоторые перевязаны пропитанными кровью бинтами. Бинты засохли, обмундирование как-то заскорузло.

В воздухе стоял больничный запах, но пахло не лекарствами, а трупным разложением. Во рту ощущался сладковато-тошнотворный едкий привкус.

Этот так называемый лагерь для военнопленных располагался прямо в степи, в 16-18 км от города. Территория его большая, около 400-500 метров в длину и 300-350 метров в ширину. Ее обнесли изгородью из колючей проволоки, и вокруг ограды с наружной стороны ходят парные часовые.

Около ворот лагеря в особом домике на колесах находится охрана, а за ним, за этим домиком, — пристройка. Она тоже из проволоки, как бы в стороне, но одним боком примыкает к общему лагерю. Здесь размещены несколько палаток. Одна — большая, высокая, с несколькими окнами и дверями.

Сюда, в эту пристройку-лазарет, и определили меня под расписку и с передачей каких-то бумаг. Сразу же меня окружили люди у проволоки

Родину. Направили в медсанбат 25-й Чапаевской дивизии, которая приняла бой еще на румынской границе. Затем — Одесса и вот Севастополь. Энергичный, смелый, трудолюбивый, в тяжелых условиях фронтовых медсанбатов Владимир Федорович не только успевал спасать людей, но и находил силы и время для того, чтобы обобщить накопленный опыт, писать научные труды. Он активно участвовал в составлении сборника «Наша медицина в условиях обороны Одессы и Севастополя в 1941-42 годах». Гаек первым сделал операцию по извлечению из тела бойца неразорвавшейся мины. Он участвовал в изысканиях в области газовой инфекции. А теперь вот вместе с неэвакуированным госпиталем с ранеными оказался в плену.

Осмотрев и выслушав меня, Владимир Федорович приказал остричь опаленные волосы и брови. Потом мне делали примочки на лице и руках, массаж и растирку тазобедрен-

фашисты, конечно, знали, где генералы Петров и Новиков, а больше их ничего не интересовало. Я не читал записку Петрова для Новикова, и что там было написано, я не знал. Ответы на все эти вопросы я узнал позже...

А в лагерь все поступали и поступали новые партии пленных. Искали политработников и евреев. Практиковались неоднократные отвратительные осмотры человеческого тела, где среди немцев обязательно присутствовал прихвостень из местных крымских татар.

Но вот наступило время, когда офицеров отделили, погрузили в машины и повезли. По дороге встречались еще несколько лагерей, подобных нашему. Около каждого мы останавливались, к нам кого-то еще подсаживали и ехали дальше. Подъехали к городу. Как рассказать и описать, с каким чувством мы встретили Севастополь и вступили на его улицы? Горе, бесильный гнев.

Улицы и площади города напо-

СТОПОЛЬ. Они еще до третьего штурма дали ему другое название.

Из развалин, подвалов и воронок выбирались женщины, и все спешили к колоннам пленных. Они несли крохотные кусочки хлеба, лепешки, сухари, луковицы, свеклу, картофелины, яблоки, соль и воду. У многих ничего не было в руках, но они все равно бежали и жадно разглядывали изможденные, усталые и грязные лица пленных, которые тянулись и тянулись по городу. Конвоиры тот час принимались ругаться, бить прикладами тех, кто пытался пробиться к идущим колоннам.

Пленные не ели уже несколько дней. Немцы прекрасно знали об этом, однако они сами никого не кормили и не давали это делать местному населению. Охранники отнимали

из общего лагеря. Посыпались вопросы: «Кто?», «Откуда?», «Когда попал в плен?», «Где и куда ранен?», «Держатся еще наши?», «Приходили корабли с Большой земли?» и много других. От расспросов я не знал, куда деваться. Стоять и разговаривать было больно. Я попросил товарищей по несчастью достать мне какую-либо палку типа костыля и присел на землю. Под вечер опять разболелась голова. Появилась резкая боль в тазобедренном суставе и позвоночнике. Я нашел кусок оборванного брезента, подстелил его и лег.

На следующий день утром немец принес мне хлеба и ячменного кофе в консервной банке. Потом подошли двое наших пленных и под руки повели меня в большую палатку. Здесь немецкий офицер, постучав стеком по моей ноге, приказал стоящему рядом хирургу в белом халате осмотреть меня и дать свое заключение. Как потом я узнал, этим хирургом был наш советский ученый-медик. Чех по национальности, интернационалист, антифашист по убеждению, он родился в Волынской губернии, куда переехал его дед из Чехословакии в поисках земли и хлеба еще в прошлом веке.

Владимир Федорович Пишель-Гаек, окончив медицинский институт, был призван в армию в 1934 году. Отслужив срочную службу, вернулся к мирной жизни и труду врача. Но грянула война, и Гаек пошел защищать

ного сустава, позвоночника и ноги. Хирург сам почистил мне рану на правой ноге, присыпая той же белой пудрой из немецкой коробочки в виде сердца, и хорошо забинтовал. Так я здесь прожил восемь дней.

Заключение врача: «компрессионный перелом суставов позвоночника — инвалидность третьей группы». Провожая меня в общий лагерь, Пашек-Гаек сказал: «Выше голову, товарищ лейтенант! Ничего страшного нет. Через две-три недели будешь ходить без костыля — молодость свое возьмет».

Я задавался вопросом, почему немцы так возятся со мной и до сих пор не расстреляли? Во время допроса

минали свалку металлолома и битых кирпичей. Кругом — воронки, ямы,

Идут пленные. Идут, еле шагая. Многие — босиком, ноги сбиты о камни и кровоточат. В хвосте каждой колонны несли больных, опираясь на соседа, брели легкораненые.

развалины, вырванные с корнями деревья, перевернутые орудия, разбитые машины, танки без башен, самоходки, бочки, рваная арматура, искореженные рельсы трамвайных путей, а впереди на вершине кургана — разбитый купол смотровой площадки Севастопольской панорамы. Город — в сплошных руинах.

Все, что могло гореть, уже сгорело. Вокруг — каменное крошево и пепел. То, что мы видели, заставило содрогнуться. Мы сняли головные уборы, как перед прахом родного человека. Израненный, в грязи, пыли и обломках, лежал разбитый город, но все равно и в руинах — величественный. И не зря фашисты боялись самого слова СЕВА-

Улицы и площади города напоминали свалку металлолома и битых кирпичей. Кругом — воронки, ямы, развалины, вырванные с корнями деревья, перевернутые орудия, разбитые машины, танки без башен, самоходки, бочки, рваная арматура, искореженные рельсы трамвайных путей.

жалкие кусочки съестного, выливали воду на землю. Стрельба, женский крик и плач...

Идут пленные. Идут, еле шагая. Многие — босиком, ноги сбиты о камни и кровоточат. В хвосте каждой колонны несли больных, опираясь на соседа, брели легкораненые. Вот появились румынские солдаты. Нам с машин показалось, что они кого-то ищут, однако тут же выяснилось, что не люди их интересуют, а вещи. Пленных, на ком была хоть сколько-нибудь приличная одежда, раздевали тут же, кто был еще обут, снимали сапоги, ботинки.

Пропустив колонны, мы поехали дальше, а под утро привезли нас в симферопольскую тюрьму. Днем жара стояла страшная. В переполненных камерах — духота. А к вечеру в тюрьме, где бетонные стены и полы, — холодно. Голодный истощенный человек легко мерзнет, а на пленных, кого не раздели румыны, только и были легкая гимнастерка и брюки. По ночам мы жались друг к другу, расположившись на голом бетонном полу. Мучила бессонница. Уж слишком большой груз горя, нравственных и физических потрясений лег на плечи каждого из нас. Все молча переносили несчастье. Невозможно было привыкнуть к бесправному положению, унижительному скотскому обращению, постоянному голоду и грязи.

Продолжение — в следующих выпусках «ДР».